

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

В. Р. ПАРЦВАНИЯ

“Неотмирающее государство”: что мешает реформам госуправления в России

В статье на основе классического положения К. Маркса и Ф. Энгельса об отмирании государства сделана попытка раскрыть концептуальные причины, задающие пределы и ограничения реформам российско-советского бюрократического государства. Автор обосновывает в качестве *фундаментальной* причины провала реформ — хронические представления о враждебности западных стран по отношению к России, закрепившиеся в сознании основной массы политиков, бюрократов и общественности. Эти представления уходят корнями в российскую историю и продолжают логику идеологических воззрений советского политико-бюрократического класса, предопределившую неудовлетворительное состояние российского государственного аппарата. Их “демонтаж” в массовом сознании современного российского общества представляется автору важнейшим предварительным условием успешной реализации новой волны давно назревших реформ госуправления в России.

Ключевые слова: отмирание государства, бюрократия, “внешние враги”, национальная безопасность, реформирование государственной службы.

DOI: 10.7868/S0869049918030061

Известное положение классического марксизма об отмирании государства весьма оригинально поясняло, что по мере снижения классовых противоречий внутри общества, исчезновения господства одного класса над другим и борьбы за существование, вмешательство правительственных органов в общественные отношения станет мало-помалу излишним. Некого будет подавлять и сдерживать, и соответственно, государство отомрет за ненужностью. «Государство не “отменяется”, оно отмирает», — заключал Ф. Энгельс [Энгельс 1961^a, с. 292]. Под отмиранием государства основоположники марксизма подразумевали не крах, саморазрушение или насильственное уничтожение страны, а присущий историческому развитию общества естественный и длительный процесс роспуска и упразднения бюрократических учреждений и ведомств, последовательную ликвидацию государственных функций и полномочий, делегирование их гражданскому обществу. “Общественные функции, — утверждал Энгельс, — потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами” [Энгельс 1961^b, с. 305].

Парцвания Вахтанг Русланович — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления и публичной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 84.

E-mail: partsvaniya-vr@ranepa.ru

Достаточно бросить пристальный взгляд на практику работы современных администраций развитых стран, чтобы кажущаяся, на первый взгляд, неверность этого положения стала не так уж очевидной. Произошедшие со второй половины XX в. перемены в основах взаимоотношений между гражданином и государственными институтами достаточно радикальны. В отличие от свойственной индустриальной эпохе установки по отношению к государству как к некой высшей силе, активно присутствующей в жизни подданных, защищающей, наказывающей и обеспечивающей *сносное* существование, государство в постиндустриальную эпоху стало восприниматься всего лишь как механизм по обслуживанию граждан, оказанию услуг, оплаченных ими как налогоплательщиками. Ушли в прошлое времена, когда политики и бюрократы могли самовольно, без надлежащего общественного контроля, определять, сколько, по каким направлениям и в какой форме распределять бюджетные средства. Резко сократилось количество чиновников в аппаратах власти, снизилось количество выполняемых государством функций, в систему государственного управления были инкорпорированы механизмы защиты от произвола по отношению к гражданам и бизнесу.

В начале XXI в., как отмечает современный военный историк М. Кревельд, определилась общая тенденция упадка институтов государства и сокращения государственного сектора — государственных предприятий, систем социального страхования, органов правосудия, тюремных учреждений, вооруженных сил, полиции, школ, СМИ и статистических аппаратов [Кревельд 2006, с. 512]. Кроме того, падает доверие к государственным органам, снижается престиж госслужбы. Люди не хотят мириться с обычной медлительностью работы чиновников, низкой эффективностью принимаемых ими решений и бюрократическим стилем управления. А происходящая сейчас цифровизация экономики, создавая новые вызовы *бюрократическому* государству, приводит к серьезной перестройке административно-бюрократических механизмов его работы и вынуждает правительства форсировать движение в сторону нового менеджизма (*New Public Management, NPM*). Конечно, речь не идет о воплощении предсказания Энгельса, согласно которому общество со временем “отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором” [Энгельс 1961^d, с. 173]. Но все же постиндустриальное государство в корне отличается от своего индустриального предшественника.

Достичь этого удалось посредством реформ госуправления, инициированных правительствами развитых стран в ответ на давление “снизу”, в частности вследствие снижения доверия к государственным институтам, резкой экспертной и общественной критики нарастающего государственного интервенционизма в экономической и социальной сфере, неприятия чрезмерной зарегулированности всех сторон жизни. Примечательно, что критика звучала на фоне постепенного преодоления социального неравенства, подъема политического сознания и политической культуры граждан, сокращения разрыва между наиболее бедными и наиболее богатыми слоями населения, то есть, говоря на языке марксистов, в условиях “смягчения классового противостояния в обществе”. Чем просвещеннее становились граждане, а общество — открытее и либеральнее, тем жестче и настойчивее они требовали перемен в государственных структурах.

Чувствительные в социально-политическом отношении государства сделали из этой ситуации выводы и инициировали соответствующие реформы. Они проводились под общей установкой формирования “постбюрократического государства”, то есть системы государственной службы, клиентоориентированной, прозрачной и подконтрольной гражданам. Реформы лишали властные органы привычных атрибутов, ослабляли политическое и экономическое господство правящих групп и фактически были направлены на поступательное “умерщвление” традиционного чиновничье-полицейского государства. Движение в этом направлении еще далеко от завершения: государство в ряде развитых стран сохраняет ключевую роль, но дается ему это гораздо большими усилиями, чем ранее. Однако на фоне данных тенденций советские, а впоследствии и российские реалии, свидетельствуют о том, что традиционное государство не просто продолжает существовать, но и значительно разрослось и укрепилося.

Трактовка Ленина

Казалось бы, советская государственность должна была строиться в духе классических закономерностей развития общества, описанных К. Марксом и Ф. Энгельсом, поскольку их учение легло в основу официальной государственной идеологии. Иными словами, общий вектор развития страны должен был быть направлен на отмирание государственных институтов. Тем не менее практика строительства социалистического государства демонстрировала движение в противоположном направлении. Спустя всего несколько месяцев после прихода большевиков к власти основой их курса стало максимальное огосударствление всех сфер общественной жизни, а в области кадровой политики – установление жесткого политического контроля над госаппаратом, прием на госслужбу бесчисленного количества новых и зачастую малоквалифицированных специалистов.

По мнению В. Ленина, такой курс имел весьма серьезные теоретические основания, которые он выводил из следующего тезиса Маркса: “Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата” [Маркс 1961, с. 27]. Этой “революционной диктатуре пролетариата”, как уточнял Энгельс, в качестве временного средства (в течение переходного периода) все еще нужна бюрократическая машина, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, в интересах подавления своих противников [Энгельс 1961^с, с. 5]. Старым же аппаратом власти, как указывал Маркс, невозможно просто овладеть, как и пустить его в ход для своих собственных целей. Напротив, его “следует сломать, и именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте” [Маркс 1964, с. 172].

Отсюда Ленин в написанной накануне Октябрьского переворота работе “Государство и революция” заключал, что поначалу государство пролетариям пригодится, а отомрет оно только тогда, когда беспощадно, окончательно и исключительно насильственным образом будет сломлено неизбежное, отчаянное сопротивление остатков “угнетателей, эксплуататоров, капиталистов”, общество станет бесклассовым, коммунистическим. Иначе говоря, слова об отмирании Ленин относил к остаткам пролетарской государственности, в то время как буржуазную государственность призывал уничтожить с помощью насильственных революционных действий, в ходе которых пролетариату следует временно, в качестве преходящего средства, образовать, усилить и использовать новый государственный аппарат. Относительно же “продолжительности жизни” государства в коммунистическом обществе Ленин прямо писал: «Не может быть и речи об определении момента будущего “отмирания”, тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный» [Ленин т. 33, с. 84].

В другой работе, также написанной незадолго до захвата власти, Ленин указывал на неизбежность перерастания капитализма в форму государственно-монополистического капитализма, которая “есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его” [Ленин т. 34, с. 193]. И отмечал, что при данной форме капитализма “помещичье-капиталистический” государственный аппарат заменится на “революционно-демократический” и усилит свое значение посредством полного обобществления производства (или огосударствления экономики, говоря современными терминами) “на пользу народа”. Иными словами, согласно Ленину, отмиранию государства предшествует его всемерное усиление, как на финальной стадии капитализма, так и после его постреволюционного разрушения и формирования нового государственного аппарата на переходный период “революционной диктатуры пролетариата”.

Ленин опирался на свои идейные принципы и теоретические выводы как в ходе революционной деятельности, так и при разработке основных положений конституций СССР и союзных республик. К примеру, согласно Конституции РСФСР 1925 г., перед новым государственным образованием стояла задача “гарантировать диктатуру

пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти”. Ранее, еще в начале большевистской революции декретом ВЦИК и СНК РСФСР “Об уничтожении сословий и гражданских чинов” была ликвидирована прежняя иерархия госслужащих, упразднены все гражданские чины и уничтожены их наименования согласно действовавшей ранее Табели о рангах.

Однако последствия этих действий оказались не просчитанными. Сформированный в качестве временной конструкции новый государственный аппарат вовсе не собирался “отмирать”, а напротив, стал с ужасающей быстротой разрастаться и тотально бюрократизироваться, приводя к гипертрофии государства. В 1913 г. на государственной службе в Российской империи находилось 253 тыс. чиновников, в то время как в Советской России численность бюрократии в 1921 г. достигла 5,7 млн человек. По словам В. Бонч-Бруевича, “не прошло и нескольких месяцев нового бытия, как Петроград и Москва, а за ними все города и веши необъятной России битком были набиты новым чиновным людом. Кажется, от самого сотворения мира до наших дней не было нигде под солнцем такого колоссального, вопиющего числа чиновников, как в дни после Октябрьской революции” [Бонч-Бруевич 1931, с. 356]. Более того, в новой группе государственных служащих стало проявляться так называемое классовое сознание, на что впервые обратил внимание Н. Бердяев: “Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы” [Бердяев 1990, с. 105]. Следует отметить, что сам Ленин относился к этим процессам с тревогой и даже в одной из своих последних записок отметил: “Коммунисты стали бюрократами. Если что нас и погубит, то именно это” [Ленин т. 54, с. 180]. Но попытки противодействовать им оказались безуспешными: вошедшие во вкус властвования новые бюрократы были готовы бороться за власть, но не за преобразования и реформы, необходимые для окончательного осуществления коммунизма.

Итогом этого стало появление худшего порождения бюрократического государства с господством так называемого “нового класса” (термин введен М. Джиласом) — партийной и профессиональной бюрократии, превратившейся в привилегированную касту фактического распорядителя общественным богатством. Именно эту группу распорядителей государственной собственности М. Восленский позднее назовет номенклатурой и “правлящим и эксплуататорским классом коллективных собственников всей совокупности средств производства” [Восленский 1991, с. 605].

На деле что-то пошло не так, как предполагал Ленин. Переходный период “революционной диктатуры пролетариата” затянулся на неопределенный срок, создавая новые условия для оттягивания отмирания государства.

Трактовка Сталина

Важная роль в укреплении системы государственной власти в постреволюционную эпоху принадлежит И. Сталину, который рассматривал ленинское учение о государстве исключительно как руководство к созданию “нового государства пролетарской диктатуры”, обоснованию диктатуры и жесткой централизации власти как временной меры, рассчитанной на прохождение “точки невозврата”, защиту страны от контрреволюции.

Именно Сталин, занявший в 1922 г. считавшуюся тогда технической должностью генерального секретаря РКП(б), внес значительный вклад в формирование номенклатурной системы отбора и назначения чиновников этого государства. Для обеспечения управляемости и строгого единоначалия в новой партийно-бюрократической машине стал утверждаться принцип подчинения партийным директивам, нарушение которых каралось самым строгим образом. Основные требования к подходящим для государственной работы кадрам Сталин сформулировал так: “...люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять директивы, как свои родные,

и умеющие проводить их в жизнь” [Сталин 1947, с. 210]. Явный приоритет при отборе на должность отдавался так называемым “политическим качествам”, в то время как квалификация, деловые качества, профессиональные знания и способности были отодвинуты на второй план. Естественно, система не предполагала какую-либо политическую конкуренцию или демократические процедуры отбора. Один из ведущих российских специалистов в области теории бюрократии А. Оболонский, описывая формируемую в тот момент систему госслужбы, замечает: “Режим наибольшего благоприятствования действовал отнюдь не в интересах выдвижения наиболее способных и достойных. Атмосфера эпохи способствовала процветанию людей иного сорта” [Оболонский 2015^a, с. 156].

Политическому руководству страны представлялось, что в сложившихся условиях именно такая вертикально управляемая и строго централизованная политико-административная система способна обеспечить непрерывную борьбу с “классовым врагом”, а также поддерживать общество в постоянном мобилизационном состоянии. Сталин в своих выступлениях 1930-х гг. неоднократно акцентировал внимание на теме “обострения классовой борьбы” внутри страны по мере продвижения к социализму, фактически же подготавливая почву для гигантского разрастания государства, проведения массовых репрессий и формирования тоталитарного режима.

Примечательно, что несмотря на выполнение этой, по словам Сталина, “великой исторической миссии” и его утверждение в докладе на VIII чрезвычайном всесоюзном съезде Советов в 1936 г. о том, что в Советском Союзе уже создано общество без антагонистических классов, это “преходящее государство” не подавало никаких признаков отмирания. В том же докладе Сталин уточнил, что советское государство теперь выполняет хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную функцию, а также охраняет социалистическую собственность и осуществляет военную защиту страны от капиталистического окружения. Позже в докладе на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. он высказался еще точнее: “Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?” — задался он вопросом самому себе и ответил: “Да, сохранится, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне”. Людей, имеющих иную точку зрения по данному вопросу, Сталин считал “перерожденцами” либо “двурушниками”. В 1933 г. в газете “Правда” (№ 10) в статье “Об уничтожении классов” он четко им указывал: “Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено”.

Иными словами, по мере изменения политической ситуации Сталин стал оправдывать существование государственной власти не только наличием классовых противоречий внутри общества, как это делали Маркс, Энгельс, и вслед за ними Ленин, а еще и наличием внешних угроз. Здесь следует подчеркнуть, что сам Ленин отнесся бы к подобной трактовке классического положения как к “оппортунистическому искажению марксизма”, поскольку он настойчиво твердил, что “трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров” [Ленин т. 33, с. 25].

Тем не менее с подачи Сталина именно фактор внешней угрозы становится важным и формальным оправданием существования государства. С этого момента любые попытки его реформирования, совершенствования, сокращения будут увязываться противниками реформ, активно заинтересованными в неизменности режима, с рисками ослабить советскую власть перед лицом внешнего врага, а критика недостатков бюрократических систем — с происками изменников, внутренних врагов, пятой колонны.

Ухищрения советской бюрократии

Представляется, что общественную легитимацию обновленное Сталиным положение *о месте и роли* государства получило благодаря победе страны в Великой Отечественной войне. Напряжение всех сил страны, неизбежное в военное время, утвердилось в сознании большинства населения как общая необходимость масштабной

и всевластной государственной машины. Условия мобилизационного режима переносились на повседневную жизнь, и наступившее в послевоенный период относительно мирное время так и не смогло приблизить “отмирание” государства. На этот раз его оттягивание оправдывалось развернувшейся “холодной войной”, которая потребовала перманентных усилий по защите страны от внешних агрессоров — “империалистического Запада”. Известно, что подобные догматические установки на фоне жесткой конфронтации двух социально-экономических систем глубоко укоренились в сознании советских бюрократов, о чем весьма точно писал Джилас: “Своей системой советская бюрократия сама себя обрекла на заговорщическое мышление и постоянный страх за свое существование. Находящиеся у власти бюрократы живут вне реальностей, под гнетом представлений о некоем враждебном им мире; они убеждены, что каждый хочет напасть на них, и не доверяют никому, даже тем, кто находится в их же иерархическом кругу” [Джилас 1991, с. 9].

Естественно, эти “базовые мировоззренческие” установки распространялись на общественное сознание советских граждан через каналы государственного идеологического воздействия, которые не просто создавали образ врага, но и “доказывали” его историческую обреченность и неизбежный политический крах. Как общепринятая господствовала идеологема о загнивании и общем кризисе капитализма.

Советские правители постсталинской эпохи старались обходить стороной положение об отмирании государства или же, когда обстановка обязывала, обращались к нему в русле сталинской трактовки. Н. Хрущев, к примеру, отмечал: “В нашей стране, где давно уже нет эксплуататорских классов, происходит процесс постепенного отмирания органов государственного административного управления, в первую очередь тех, которые выполняют функции принуждения”. И добавлял: “Но это, конечно произойдет не внезапно, а постепенно, на каком-то этапе развития коммунистического общества. Было бы грубейшей ошибкой, левацким заскоком, если бы мы уже сейчас ослабили наши государственные органы управления, упразднили органы принуждения, которые... являются теперь главным образом органами защиты от происков внешних врагов” [Хрущев 1958, с. 246]. К схожим формулировкам прибегал главный идеолог и хрущевского, и брежневского периодов М. Суслов. В речи на XXII съезде КПСС он сказал: “Процесс отмирания социалистического государства, который уже происходит, нельзя, однако, понимать как превращение государства в ничто... Во всей своей деятельности наша государственная власть использует во все возрастающих масштабах убеждение. Но из этого не вытекает, что не будет использоваться и принуждение там, где это необходимо” [Суслов 1961, с. 14–15].

Концептуально высказаться по данному вопросу попытался Л. Брежнев: “Государство диктатуры пролетариата, выполнив свою великую историческую миссию, постепенно переросло в общенародное социалистическое государство трудящихся” [Брежнев 1972, с. 59]. И добавил, что для отмирания этого “*общенародного государства*” потребуется не только построение развитого социалистического общества, но и “упрочение социализма на международной арене”. По всей видимости, Брежнев не подозревал, что вступает тут в противоречие с позицией Ленина, который любые спекуляции по поводу “народного государства” называл бессмыслицей и отступлением от социализма. “Всякое государство несвободно и ненародно” — подчеркивал вождь [Ленин т. 33, с. 20]. Тем не менее именно подобные брежневским “бюрократические” трактовки положения об отмирании государства вошли в руководящие документы партии и служили ориентиром при принятии управленческих решений для основной массы советского чиновничества. На финальной фазе разработки текста Конституции СССР 1977 г., по замечанию А. Медушевского, вообще возобладала установка о том, что “функции государства диктатуры пролетариата далеко не исчерпаны”, а механизм, закрепленный в Конституции 1936 г., “с успехом выполняет задачи, стоящие перед общенародным государством, и будет совершенствоваться вместе с этим государством, перед которым лежит еще большой и длительный путь развития к общественному коммунистическому самоуправлению” [Медушевский 2014, с. 86].

Оборотной стороной данного курса стало закрепление консервативного синдрома в массовом сознании советских чиновников, неприятие ими подлинных преобразований, реформ государственного аппарата, направленных на повышение его эффективности и гибкости, освобождение госорганов от избыточных функций, децентрализацию власти, сокращение военных расходов, оптимизацию и улучшение работы подразделений, приведение их в соответствие с требованиями времени. Подобные реформы, полагали большинство из них, были сопряжены с инициативами, способными подорвать сложившиеся в стране административно-политические устои, несшими в себе риски утраты контроля над политической ситуацией и зарождения гражданского общества. Поэтому серьезные реформы блокировались бюрократией, которая, умело прикрываясь идеологическими положениями, оттягивала их реализацию либо скрыто и молчаливо им противодействовала.

К примеру, важнейшую роль в захлебывании косыгинских реформ 1965 г., направленных, среди прочего, на расширение экономических свобод и хозяйственной самостоятельности предприятий, сыграло, по воспоминаниям соратников реформатора, сопротивление консервативной части бюрократии, отчаянно стремившейся сохранить *status quo*. “На кой черт нам эта реформа? Мы что, плохо развиваемся, что ли?”, — возражал против реформ председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный и заключал: “Если проводить реформу, то нужно к ней тщательно готовиться. Рано проводить” [Байбаков 1993, с. 112]. В вину А. Косыгину в лучших традициях аппаратной игры ставились заигрывания с “империалистическим Западом”, “предательство” идей социализма, непростительные “уступки врагам”, которые, по представлениям партийных аппаратчиков, могли бы в случае продолжения реформ привести Советский Союз к событиям, аналогичным Пражской весне 1968 г. Косыгин, продолжавший возглавлять Совет Министров СССР до 1980 г., уже в 1971 г. в частной беседе с горечью признал, что “все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят” [Андрянов 2003, с. 220].

Соответственно, большинство реформаторских проектов носили косметический характер и, как правило, были направлены на еще большее укрепление правящим классом своей власти. Например, последовательно расширялся список номенклатурных должностей в иерархии властных органов, увеличивались сроки пребывания на постах (некоторые министры возглавляли свои министерства более 20 лет). Расширялись номенклатурные привилегии, становясь несопоставимыми с уровнем обеспеченности жизни простых граждан. Бюрократия приобретала черты личного патронажа и наследственности. Например, при правлении Брежнева в состав ЦК КПСС входили его сын (первый заместитель министра внешней торговли СССР) и зять (первый заместитель министра внутренних дел СССР). То же самое происходило и на других уровнях власти, куда вернулась, по словам Э. Ильянкова, “всякая нечисть, ничего не забывшая и ничему не научившаяся, только сделавшаяся еще злее и сволочнее, поскольку проголодалась” [Ильянков... 1999, с. 258].

В целом, государственный аппарат характеризовался неудержимым ростом управленческих штатов и правительственных органов, на что справедливо обращают внимание Р. Нуреев и Ю. Латов: “Если в 1936 г. в СССР в правительстве было 18 народных комиссариатов, руководивших отдельными отраслями, то в 1940 г. их количество увеличилось до 40, в начале 1970-х гг. насчитывалось уже более 60 министерств и ведомств, а в середине 1980-х гг. — около 100” [Нуреев, Латов 2014, с. 26]. Естественно, без подлинных реформ система становилась малоподвижной, законсервированной и не способной решать новые проблемы устаревшими средствами, пришла в состояние застоя.

Подобные тенденции вызывали массовое отчуждение “простых советских людей” от власти, возрастала степень гражданского недоверия к чиновникам. Более того, нарастало отчуждение в самой власти, то есть у честных и прогрессивно настроенных государственных деятелей, сознающих свою ответственность перед обществом. Это и послужило, по моему мнению, важнейшей причиной исторического конца советской административно-политической системы¹.

¹ Подробнее об отчуждении во властном аппарате как о тенденции, предвещающей исторический конец административно-политической системы, см. [Парцвания 2012].

Любые серьезные, не фасадные, реформы начинаются с признания недостатков объекта реформ, критике его слабых сторон и атрибутов. До апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 г., инициировавшего перестройку, на этот по существу весьма рискованный для себя шаг не оказался способен ни один представитель советской политической элиты. Несостоятельность номенклатурно-бюрократической системы стала определяющим фактором банкротства и краха советской государственности. Но не государства.

Постсоветское государство: повторение пройденного?

Последовавшие за перестройкой политические и социально-экономические трансформации вытеснили марксистские воззрения на периферию общественной мысли. Соответственно, к тезису об отмирании государства исследователи стали обращаться сугубо из академического интереса, а для политиков и общественных деятелей он вообще канул в Лету. В отличие от правящего класса советского государства, которому, как было отмечено, приходилось всячески изворачиваться в своей апологии “неотмирающего” государства, российский политический класс, будучи освобожденным от этой обязанности, вовсе не утруждал себя размышлениями на эту тему и публично никогда не высказывался.

В центре реформаторских усилий оказались иные проблемы. Но тяжесть реформ, оказавшихся слишком болезненными для большинства населения, стала причиной консервативной реакции на преобразования и вызвала растущую социальную ностальгию по прежним временам идеализированной стабильности и умеренного благополучия. Исследования “Левада-Центра” позволяют представить характер и масштабы ностальгических настроений: данные 1996 и 2000 гг. показали явный сдвиг симпатий к ситуации “до 1985 г.” во всех без исключения наблюдаемых возрастных и образовательных группах российского общества [Левада 2002, с. 7].

Массовое разочарование в перестроечных ценностях способствовало репродукции традиционных советских представлений, установок, предрассудков. Как следствие, в сознании основной массы российских политиков, бюрократов и общественности в целом без серьезного сопротивления возродилось традиционное политическое представление о враждебности окружающего мира, а государство снова стало восприниматься как высшая сила, первостепенная задача которой — защита страны от внешних врагов. Л. Гудков отметил, что если в 1989 г. подавляющее большинство общества (49%) считало, что корень наших бед и ошибок в нас самих (на существовании врагов настаивали 12–17% опрошенных), то уже в 1994 г. 41% россиян утвердительно ответили на вопрос, есть ли враги у России, а в 1999 г. — таковых уже было 65% [Гудков 2002, с. 95].

Подобные настроения открыли дорогу консерваторам во властных структурах для смены политического курса. Их усилия по подрыву значимости и авторитетности реформаторских сил нашли благодатную почву в сознании российского общества. В нем глубоко закрепились представления о реформаторах как агентах иностранных групп влияния, антинациональных, антироссийских по своей сути, проводящих политику разграбления национальных богатств и разрушения России.

Силами телевизионного фронта снова стали востребованными пропагандистские штампы и лозунги о “вражеском западном окружении”. Они культивировали в массовом сознании образ внешнего врага, приближающегося к российским границам (расширение НАТО на Восток) и пытающегося дестабилизировать политическую ситуацию в России, вмешиваясь в ее внутренние дела, ослабляя суверенитет и подготавливая “цветные революции”. В скором времени к назначенным “внешним врагам” добавился терроризм, вышедший на международный уровень.

Ответом на эти вызовы стал политический курс на строительство *государства с жесткой вертикалью власти*, многочисленной бюрократией и государственными ведомствами принудительного, надзорного и карательного характера, призванными надежно защищать общество от внешних угроз и одновременно наращивать свою интервенцию во все области общественной жизни с целью обеспечения национальной

безопасности. Новый курс отразился в содержании ранее принятых основополагающих документов российского государства (Стратегии национальной безопасности РФ, Концепции внешней политики РФ, Военной доктрины РФ и др.), которыми должны непосредственно руководствоваться государственные органы в своей практической деятельности: документы в новой редакции приобрели более конфронтационный характер.

Например, в первоначально принятой в 1997 г. Концепции национальной безопасности констатировалось отсутствие в обозримой перспективе агрессивных намерений крупных держав в отношении России и указывалось преимущественно на внутренний характер существующих угроз национальной безопасности. В ней было прямо прописано, что Россия “не намерена вступать в конфронтацию с каким бы то ни было государством либо союзом государств, не преследует гегемонистских или экспансионистских целей”². В Стратегии же национальной безопасности РФ, утвержденной в 2015 г. и действующей по настоящее время, отмечается, что угрозы национальной безопасности, в основном, порождаются внешними факторами и выступают источниками угроз, возникающих внутри страны. Речь, в частности, идет об активизации военной деятельности блоковых стран Запада, наращивании их силового потенциала, распространившейся практике свержения легитимных политических режимов, появлении новых “горячих точек” и зон, не контролируемых властями, укреплении влияния международных террористических и экстремистских организаций, расширении сети военно-биологических лабораторий вблизи российских границ и т.д.³ Примечательно, что “безопасность личности” в данном документе поставлена на последнее место за “информационной”, “экологической” и даже “транспортной” безопасностью. В целом, согласно основным положениям документа можно сделать вывод: Россия находится в глубокой обороне, и руководству страны приходится принимать ряд вынужденных мер по всестороннему укреплению государства и “стратегическому сдерживанию” противников.

Как следствие, в целом за последние полтора десятилетия, согласно Росстату (см. “Росстат в цифрах”. М., 2017), численность работников государственных органов и органов местного самоуправления возросла в два раза (с 1162 тыс. человек в 2000 г. до 2146 в 2016 г.). Если суммировать численность административных, силовых и правоохранительных органов, то Россия окажется одним из мировых лидеров по этому показателю в расчете на душу населения. Не менее впечатляющими выглядят (по тому же сборнику Росстата) суммарные затраты на национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность: за период с 2005 по 2016 г. они возросли с 1,17 трлн рублей до 5,79 трлн рублей в год (причем затраты 2016 г. превышают затраты 2000 г. в 18 раз!). Согласно данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), в 2016 г. Россия вошла в тройку стран с самыми большими военными расходами, достигнув показателя 5,3% ВВП, в то время как расходы США составили 3,3% ВВП, а Китая — 1,9% ВВП (<https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-world-military-expenditure-2016.pdf>).

Можно заключить, что образ внешнего врага продолжает выступать составным атрибутом политической действительности и служит важнейшим фактором масштабного разрастания, *но не усиления* государства в постсоветской России. Как замечает Н. Плискевич, государство становится подлинно сильным, когда выстроенная им система формальных правил, с одной стороны, опирается на закон и бесперебойно работающие механизмы как поощрений за следование ему, так и санкций за его нарушение, а с другой — не допускает “вплетения” в свою конструкцию неформальных норм и правил, открывающих простор для противоречивых действий как отдельных представителей властной вертикали, так и разнообразных кланов и группировок [Плискевич 2015, с. 13]. Для этого не требуется громоздкая государственная машина с разветвленными административными,

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300 “О Концепции национальной безопасности Российской Федерации”. Российские вести. 1997. № 239.

³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”. Российская газета. 2015. № 6868.

карательными, надзорными и прочими функциями, но достаточен компактный госаппарат, сконцентрированный на развитии общественного сектора и обслуживании граждан, обеспечивающий всеобщее соблюдение формальных правовых институтов и достаточно гибкий для своевременного реагирования на социальные изменения и проведения необходимых реформ.

В этом контексте можно утверждать, что культивирование образа внешнего врага, напротив, поддерживает слабость государства. Оно блокирует попытки реализации реформ государственного управления, периодически возникающих в правительстве в силу императива модернизации, присущей любой уважающей себя стране. Реформы нарушают сложившийся в системе *status quo* и сопряжены с экспериментами и инициативами, а их содержание и ценности, основывающиеся на сокращении государственного вмешательства в различные сферы жизни, оптимизации государственных функций, формирование конкурентоспособной системы госуправления с встроенными антикоррупционными механизмами, оказываются *несовместимыми* как с принятым и зафиксированным в стратегических документах политическим курсом страны, так и со сложившейся бюрократической культурой, закрытой по существу и заточенной на защиту узких групповых интересов. Чем сильнее “заключенность” на проблемах национальной безопасности и, соответственно, на враждебности окружающего мира, тем легче бюрократии противодействовать преобразованиям, отгораживаться от нововведений, *сдерживать развитие гражданского общества* и выступать против реформ.

Попытки реформирования государственного аппарата России предпринимались на протяжении всего постсоветского периода. Об их необходимости неоднократно заявлялось на высшем политическом уровне страны, публиковались проекты реформ, их концепции, программные документы и планы работ по реализации, даже принимались законы, часть из которых носили прорывной характер. Но получаемые практические результаты оказывались весьма скромными и, как правило, заканчивались победой антиреформаторского крыла бюрократии. Практически каждая из предпринятых попыток имела схожий сценарий: реформы начинались с подающих большие надежды шагов по структурной реорганизации всего корпуса государственных ведомств, ликвидации избыточных и дублирующих функций большинства госорганов и подведомственных им организаций, сокращения численности бюрократии и т.д. Но в конечном счете все заканчивалось выхолащиванием самой сути реформ, регенерацией дореформенных структур и полномочий, увеличением штата и/или финансирования большинства правительственных учреждений, возникновением новых этажей государственной иерархии. Согласно выводам российских экспертов из Высшей школы экономики, проанализировавших несколько попыток реформирования российской постсоветской государственной службы, несмотря на затраченные усилия и предпринятые действия, “за 90-е — первую половину 2000-х годов в России фасадно или по существу, но поменялось почти все... кроме административной машины” [Барабашев, Зайцева, Краснов, Оболенский 2007, с. 91]. Характерно признание самих реформаторов: “Мы не решили тех фундаментальных задач, которые стояли перед Россией сто лет назад... ни экономических, ни политических, ни социальных” [May 2013, с. 121]. Оболенский в своем *отдельном* анализе российско-советской бюрократической системы в исторической ретроспективе заключает, что ее сегодняшнее качество таково, что оно “не просто блокирует нормальное развитие страны, но и способно ее погубить” [Оболенский 2015^a, с. 159]. Подобные выводы свидетельствуют лишь о том, что вместо сильного государства мы получили, по выражению Плискевич, «рыхлое, “большое” и неэффективное государство» [Плискевич 2015, с. 15].

В условиях *слабого государства и отсутствия политической воли* к реальному “форматированию” базовых мировоззренческих установок в сознании бюрократии и общества любые попытки реформ госуправления в России обречены на бесконечное повторение пройденного в режиме порочного круга. Господство этих установок в общественном сознании отравляет уровень морали в публичной сфере и сдерживает внедрение этических

регуляторов поведения государственных служащих, критически важных, как справедливо указывает Оболенский, для позитивных изменений в политической культуре российского общества и преодоления общего современного кризиса государства [Оболенский 2015^b, с. 65]. Как следствие, снижается качество современного российского реформаторства, которое, по мнению Медушевского, несмотря на новые задачи, воспроизводит преемственность стилистики и находится под устойчивым влиянием советских правовых стереотипов [Медушевский 2016, с. 154].

Новой волне реформ, в свою очередь, должны *предшествовать* целенаправленные систематические усилия по “демонтажу” массовых политических представлений, освобождению чиновничьего и общественного сознания в целом от фальшивых канонов и стереотипов в отношении враждебности западных стран, их когнитивным замещением представлениями о возрастающей общности интересов и общих вызовах, справиться с которыми возможно исключительно совместными усилиями. Эта работа должна начинаться с конкретных шагов, например, с придания отмеченным основополагающим документам менее конфронтационного характера, и сопровождаться широкомасштабной медийной кампанией по развенчиванию мифов о внешних угрозах национальной безопасности.

Такой политический настрой откроет дорогу расширению интеллектуальной и технологической кооперации с постиндустриальными странами, снизит политическое напряжение на международной арене, *создаст условия для формирования подлинно сильного государства и развитого гражданского общества*. Только после подобных предварительных шагов можно приступать к новой попытке реформирования государственной службы и серьезно рассчитывать на трансформацию российского государства “из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный” [Маркс 1961, с. 26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андриянов В.И. (2003) Косыгин. М.: Молодая гвардия.
- Байбаков Н.К. (1993) Сорок лет в правительстве. М.: Республика.
- Барабашев А.Г., Зайцева Т.В., Краснов М.А., Оболенский А.В. (2007) Риски реформирования государственной службы России, или Почему так трудно реформировать государственный аппарат России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2–3. С. 91–124.
- Бердяев Н.А. (1990) Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.
- Бонч-Бруевич В.Д. (1931) На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: Федерация.
- Брежнев Л.И. (1972) О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат.
- Восленский М.С. (1991) Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия.
- Гудков Л.Д. (2002) Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. № 3. С. 87–102.
- Джилас М. (1991) Предисловие // Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия. С. 7–11.
- Ильенков Э.В.: личность и творчество (1999) Под ред. В. А. Лекторского. М.: Языки русской культуры.
- Кревельд М.В. (2006) Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН.
- Левада Ю.А. (2002) “Человек ностальгический”: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 7–13.
- Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. М.: Политиздат. С. 1–120.
- Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Политиздат. С. 151–199.
- Ленин В.И. Письмо Г.Я. Сокольникову 22–28 февраля 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. М.: Политиздат. С. 180.

- Маркс К. (1961) Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М.: Госполитиздат. С. 9–32.
- Маркс К. (1964) Письмо Л. Кугельману 12 апреля 1871 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. М.: Госполитиздат. С. 172–173.
- Мау В.А. (2013) Логика российской модернизации: исторические тренды и современные вызовы // Сенинский А.С. (ред.). История России. Теоретические проблемы. М.: Институт российской истории РАН.
- Медушевский А.Н. (2014) Конституция “развитого социализма”: откуда взялся принцип руководящей роли партии? // Общественные науки и современность. № 3. С. 84–97.
- Медушевский А.Н. (2016) Российские реформы с позиций теории когнитивной истории // Вопросы экономики. № 3. С. 131–160.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2014) Между “реальным социализмом” и “восточным деспотизмом”: лабиринты институционального экономического развития Советской России // Мир России. № 3. С. 6–45.
- Оболонский А.В. (2015^a) Очерк истории российско-советской бюрократической номенклатуры // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 145–164.
- Оболонский А.В. (2015^b) Этика в сфере публичной политики как фактор социокультурных изменений // Общественные науки и современность. № 4. С. 65–82.
- Парцвания В.Р. (2012) Милован Джилас: отчуждение во власти // Экономический журнал. № 4. С. 110–115.
- Плискевич Н.М. (2015) Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства // Мир России. № 1. С. 8–34.
- Суслов М.А. (1961) Речь на XXII съезде КПСС 21 октября 1961 г. М.: Госполитиздат.
- Сталин И.В. (1947) Организационный отчет Центрального Комитета РКП(б) XII съезду РКП(б) 17 апреля 1923 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 5. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 197–222.
- Хрущев Н.С. (1958) За прочный мир и мирное сосуществование. М.: Госполитиздат.
- Энгельс Ф. (1961^a) Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Госполитиздат С. 5–338.
- Энгельс Ф. (1961^b) Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. М.: Госполитиздат. С. 302–305.
- Энгельс Ф. (1961^c) Письмо А. Бебелю 18–28 марта 1875 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М.: Госполитиздат. С. 1–8.
- Энгельс Ф. (1961^d) Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. М.: Госполитиздат. С. 23–178.

“Non-Withering Away State”: What Hinders Public Administration Reforms in Russia

*V. PARTSVANIYA**

**Partsvaniya Vakhtang* – Candidate Science, (Econ.), Associate Professor, School of Public Policy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Address: Vernadskogo av., 84, Moscow, Russia, 119571. E-mail: partsvaniya-vr@ranepa.ru

Abstract

In this article on the basis of the classical concept of withering away of the state of K. Marx and F. Engels it is attempted to reveal the conceptual reasons that set restrictions and limitations to the reforms of the Russian-Soviet bureaucratic state. The author proves as fundamental reason for the failure of reforms the chronic beliefs of Western countries hostility towards Russia, entrenched in the minds of the majority of politicians, bureaucrats and the society. These beliefs are rooted in the Russian history, and they continue the logic of ideological views of the Soviet political and bureaucratic class that determined poor state of the Russian state apparatus. Their “Dismantling” in the mass consciousness of the modern Russian society seems to the author an essential precondition for the successful implementation of the new wave of public administration reforms in Russia.

Keywords: withering away of the state; bureaucracy; “external enemies”; national security; public administration reforms.

REFERENCES

- Andriyanov V.I. (2003) *Kosygin* [Kosygin]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Barabashev A.G., Zaytseva T.V., Krasnov M.A., Obolonskiy A.V. (2007) Riski reformirovaniya gosudarstvennoj sluzhby Rossii, ili Pochemu tak trudno reformirovat' gosudarstvennyj apparat Rossii [Risks of public service reform in Russia, or Why it is so difficult to reform the Russian state apparatus]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Public administration issues], no. 2–3, pp. 91–124.
- Baybakov N.K. (1993) *Sorok let v pravitel'stve* [Forty years in the government]. Moscow: Respublika.
- Berdyaev N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origin of Russian communism]. Moscow: Nauka.
- Bonch-Bruevich V.D. (1931) *Na boevykh postah Fevral'skoj i Oktjabr'skoj revolyucij* [On duty of February and October revolutions]. Moscow: Federatsiya.
- Brezhnev L.I. (1972) *O pjatidesjatiletii Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik* [On the fiftieth anniversary of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow: Politizdat.
- Crevel'd M.V. (2006) *Rascvet i upadok gosudarstva* [The rise and decline of the state]. Moscow: IRISEN.
- Djilas M. (1991) Vvedenie [Introduction]. Voslenskiy M.S. *Nomenklatura. Gospodstvuuyushchij klass Sovetskogo Sojuza* [Nomenklatura: The Soviet Ruling Class], pp. 7–11. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
- Engels F. (1961^a) Anti-Djuring [Anti-Duhring]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], vol. 20, pp. 5–338. Moscow: Gospolitizdat.
- Engels F. (1961^b) Ob avtoritete [On authority]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], vol. 18, pp. 302–305. Moscow: Gospolitizdat.
- Engels F. (1961^c) Pis'mo A. Bebelju 18–28 marta 1875 g. [A letter to A. Bebel 18–28 March 1875]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], vol. 19, pp. 1–8. Moscow: Gospolitizdat.
- Engels F. (1961^d) Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], vol. 21, pp. 23–178. Moscow: Gospolitizdat.
- Gudkov L. (2002) Russkij neotradicionalizm i soprotivlenie peremenam [Russian neotraditionalism and resistance to changes]. *Otechestvennye zapiski*, no. 3, pp. 87–102.
- Il'enkov Je.V.: *lichnost' i tvorchestvo* (1999) Pod red. V. A. Lektorskiy [Il'enkov E.V.: Personality and creativity. Ed. by V. A. Lektorskiy]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Khrushchev N.S. (1958) *Za prochnyj mir i mirmoe sosushchestvovanie* [For lasting peace and peaceful coexistence]. Moscow: Gospolitizdat.
- Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyucija. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyucii [The state and revolution: the Marxist theory of the state and the tasks of the proletariat in the revolution]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Works], vol. 33, pp. 1–120. Moscow: Gospolitizdat.
- Lenin V.I. Grozjashhaja katastrofa i kak s nej borot'sja [The Impending Catastrophe and How to Combat It]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Works], vol. 34, pp. 151–199. Moscow: Gospolitizdat.
- Lenin V.I. Pis'mo G. Ja. Sokol'nikovu 22–28 fevralja 1922 g. [A letter to G. Ya. Sokolnikov 22–28 February 1922]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Works], vol. 54, p. 180. Moscow: Gospolitizdat.
- Levada Yu. (2002) “Chelovek nostal'gicheskij”: realii i problemy [“Man Nostalgic”: Reality and Problems]. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 6, pp. 7–13.
- Marx K. (1961) Kritika Gotskoj programmy [The critique of the Gotha program]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], vol. 19, pp. 9–32. Moscow: Gospolitizdat.
- Marx K. (1964) Pis'mo L. Kugel'manu 12 aprelja 1871 g. [A letter to Kugelman 12 April 1871]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], vol. 33, pp. 172–173. Moscow: Gospolitizdat.
- Mau V.A. (2013) Logika rossiyskoj modernizatsii: istoricheskie trendy i sovremennye vyzovy [The logic of the Russian modernization: historical trends and contemporary challenges]. *Istoriya Rossii. Teoreticheskie problemy* [History of Russia: Theoretical problems]. Moscow: Institut rossijskoj istorii.
- Medushevskiy A.N. (2014) Konstitucija “razvitogo socializma”: otkuda vzjalsja princip rukovodjashhej roli partii? [Constitution of “developed socialism”: where did a principle of the leading role of the party come from?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 3, pp. 84–97.
- Medushevskiy A.N. (2016) Rossijskie reformy s pozicij teorii kognitivnoj istorii [Russian reforms in the context of cognitive history theory]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 3, pp. 131–160.
- Nureev R.M., Latov Yu.V. (2014) Mezhdue “real’nym socializmom” i “vostochnym despotizmom”: labirinty institucional'nogo jekonomicheskogo razvitiya Sovetskoy Rossii [Between “real socialism” and “oriental despotism”: Labyrinths of institutional economic development of Soviet Russia]. *Mir Rossii*, no. 3, pp. 6–45.
- Obolonskiy A.V. (2015^b) Jetika v sfere publichnoj politiki kak faktor sociokul'turnyh izmenenij [Ethic in the public policy as a factor for socio-cultural changes]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 4, pp. 65–82.

Obolonsky A.V. (2015^a) Oчерк istorii rossijsko-sovetskoj bjurokraticheskoi nomenklatury [An essay on the history of the Russian and Soviet bureaucratic nomenclature]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*, no. 3, pp. 145–164.

Partsvaniya V.R. (2012) (Milovan Djilas: otchuzhdenie vo vlasti [Milovan Djilas: Alienation in power]. *Jekonomicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 110–115.

Pliskevich N. (2015) Transformacija sistemy vlasti-sobstvennosti v Rossii: regional'nyj aspekt. Reformy i kachestvo gosudarstva [The Transformation of Power-Ownership Relations in Russia: a Regional Perspective on the Reforms and the Quality of the State]. *Mir Rossii*, no. 1, pp. 8–34.

Stalin I.V. (1947) Organizacionnyj otchet Central'nogo Komiteta RKP(b) XII s'ezdu RKP(b) 17 aprelya 1923 g. [The organizational report of the Central Committee of the RCP(b) to the XIII congress of the RCP(b) 17 April 1923]. Stalin I.V. *Soch.* [Works], vol. 5. Moscow: Gospolitizdat, pp. 197–222.

Suslov M.A. (1961) *Rech' na XXII s'ezde KPSS 21 oktjabrja 1961 g.* [Speech at the 22nd Congress of the CPSU October 21, 1961]. Moscow: Gospolitizdat.

Voslenskiy M.S. (1991) *Nomenklatura. Gospodstvujushchij klass Sovetskogo Sojuza* [Nomenclatura: The Soviet ruling class]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

© В. Парцвания, 2018